

ОТВѢТЪ

НА

НѢКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ, КАСАЮЩЕСЯ
ВОЗВРАЩЕНІЯ ГРЕКОВЪ-РАСКОЛЬНИКОВЪ
ВЪ НѢДРА КАТООЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ.

ДИССЕРТАЦІЯ,

КОТОРУЮ ЧИТАЛЪ ВЪ АКАДЕМИИ РЕЛИГИИ КАТООЛИЧЕСКОЙ

ЕГО ЕМИНЕНЦІЯ КАРДИНАЛЪ МАЦЦЕЛЛА.

ДНЯ 16 МАРТА 1887 ГОДА.

ФРЕЙБУРГЪ ВЪ БРИЗГАВЪ.

У КНИГОПРОДАВЦА В. ГЕРДЕРА.

1889.

Торговыя конторы въ Страсбургѣ, Мюнхенѣ и Сент-Луи Мо.
Вѣна I. Вольсейле 33: книжная торговли В. Гердера.

Типографія Юліуса Кашегадта, в. Лейпциг.

Высокопреосвященные Святители, Высокопреподобные Прелаты, Высокодостойные Слушатели!

Въ то время какъ одинокіе люди и цѣлыя народы, проживши девятнадцать вѣковъ въ общежительности христіанской, начинаютъ повидимому повсемѣстно отступать отъ Иисуса Христа и Его Церкви, какъ родъ человѣческій, предаваясь алчно пользованію земныхъ благъ, забываетъ постепенно о самомъ Творцѣ вселенной, какъ все больше и больше разыгрывающіяся человѣческія страсти постоянно побуждаютъ людей къ всеобщей братоубійственной междоусобицѣ; пріятно по истинѣ услышать задушевный голосъ христіанина, который вѣруетъ твердо въ Бога Вседержителя, исповѣдуетъ открыто и смѣло единого Сына Божія, Спасителя вселенной и, утомленный распрями и борьбою, усердно жаждетъ единства и мира. Тѣмъ больше радостью преисполнено наше сердце, когда видимъ, что этотъ голосъ раздается не изъ среды живущихъ въ нѣдрахъ католической Церкви, участвующихъ въ истинной жизни въ единомъ мирѣ, но приходитъ къ намъ изъ странъ далѣкихъ, отъ сердца чувствующаго, что оно должно принадлежать къ одной семьѣ вселенной и вмѣстѣ съ тѣмъ сознающаго, что находится внѣ ея предѣловъ; отъ сердца, которое догадывается, что должно имѣть на землѣ одного отца и одну мать, но не зная ихъ лично, усердно ищетъ и желаетъ кинуться въ ихъ объятія. Это явленіе вызываетъ отрадную надежду на лучшую будущность; раздается мысль, что не все еще утрачено, что борьба и разединеніе настоящаго послужатъ когда-то провидѣнію Божію къ осуществленію окончательнаго торжества истины и мира, къ водворенію единства въ царствѣ Божіемъ на землѣ, — въ томъ царствѣ, которое съ каждымъ днемъ больше распространяетъ свои побѣды и расширяетъ свои границы.

Голосъ, о которомъ вспоминаемъ, прозвучалъ въ недавнее время въ Петербургѣ: знаменитый писатель, членъ російской

церкви, очень извѣстный литературному и ученому свѣту сочиненіями высокоаго достоинства¹⁾, предложилъ публично всѣмъ прелатамъ восточной, несоединенной съ Римомъ церкви въ лицѣ ихъ представителя, протоіерея Ивапцова-Платопова²⁾, нѣкоторые религиозные вопросы первостепеннаго значенія. Еслибы какой нибудь непредубѣжденный умъ разрѣшилъ эти вопросы согласно съ истинной, это повело-бы необходимо къ соединенію церковному. Мы приписываемъ этому отзыву особенное значеніе, потому именно, что онъ, въ виду особенныхъ современныхъ обстоятельствъ, представляетъ несомнѣнный признакъ болѣе обширнаго движенія, отлучившихся братій нашихъ, къ общему Отцу истинно вѣрующихъ. Слова писателя, предлагающаго вопросы къ разрѣшенію, высоко поставленнаго лица, къ которымъ авторъ обращается, великая гласность самыхъ вопросовъ, домогаются по возможности точнаго отвѣта. Послѣдовательность и практическіе выводы, къ которымъ стремится авторъ, обнаруживаютъ душу откровенную, серьезно передумавшую о причинахъ разъединенія, и задушевно желающую, чтобы, отдѣлившіеся отъ единства братья, возвратились къ единственно спасающей истинной овчарнѣ Господа нашего Иисуса Христа.

Все это побудило меня обратить особенное вниманіе на вопросы, поставленные достопочтеннымъ г. Соловьевымъ. А такъ какъ Его Еминенціи, Предсѣдательствующій, благоволилъ удостоить меня приглашеніемъ читать въ текущемъ году конференціи въ древней и многозаслуженной сей Академіи, то казалось мнѣ, что отвѣтъ на вышеупомянутые вопросы будетъ темой, вполне достойной вниманія ея членовъ, и будетъ соответствовать ея высокому назначенію.

Сознаю, что вполне удовлетворительное развитіе этого предмета, еслибы даже не превышало моихъ силъ, исчерпало-бы безъ сомнѣнія терпѣніе Ваше; поэтому считаю полезнымъ и достаточнымъ коснуться только важнѣйшихъ пунктовъ предмета и покрайней мѣрѣ указать дорогу полнаго и удовлетворительнаго разрѣшенія предлагаемыхъ трудностей. Такимъ образомъ одни изъ перечисляющихся трудъ мой будутъ въ состояніи разсѣять водворившюся, можетъ быть, въ ихъ умахъ тьму, иныя же, менѣе предубѣжденные, найдутъ вѣрный путь къ истинѣ, а всѣ мы будемъ обрѣданы возобновленнымъ сознаніемъ, что мы находимся въ блаженномъ обладаніи той-же истинны.

¹⁾ Владиміръ Соловьевъ.

²⁾ Смори „Русь“ 1883. № 19.

Первый из поставленных вопросов слѣдующій:

„Постановленія Вселенскихъ соборовъ о неприкосновенности Никейской вѣры относятся ли къ содержанію этой вѣры, или же къ буквѣ символа Никео-константинопольскаго?“

Отвѣтъ не труденъ. Всякій, кто имѣетъ достаточное понятіе о божественномъ постановленіи Церкви, убѣдѣнъ до очевидности въ томъ, что Иисусъ Христосъ учредилъ для той-же Церкви постоянную, подлинную и непогрѣшимую учительскую власть, при помощи которой должно продолжаться ея существованіе до окончанія вѣковъ; для чего одарилъ ее авторитетомъ, а по мѣрѣ нужды или надобности обязалъ опредѣлять: какія откровенныя истины и въ какой, примо противоположной возникающимъ заблужденіямъ формѣ, должно включатьъ въ символы для повсемѣтнаго исповѣданія. Вслѣдствіе этого божественнаго постановленія, Апостолы и ихъ преемники, засѣдавшіе на соборахъ Никейскомъ и Константинопольскомъ, опираясь на своею правѣ и исполняя свою должность, составили тѣ символы, которые Восточная и Западная Церкви равнымъ образомъ признаютъ и почитаютъ. Въ первые времена Церкви необходимо было имѣть такого рода общее и публичное исповѣданіе вѣры, которое представляло-бы отличительное знамя истинно вѣрующихъ отъ язычниковъ и Иудеевъ. Эта послѣдняя цѣль очевидна въ первомъ, т. е. апостольскомъ символѣ. Когда вспыхнула аріанская ересь и широко распространила свои зловредныя прищипы, почувствовалась опять необходимость критеріума для различенія истинныхъ Христіанъ не только отъ Иудеевъ и язычниковъ, но также отъ тѣхъ, которые, отрицая Божество Иисуса Христа, лицемѣрно удерживали Его имя. Вотъ почему первый Никейскій соборъ прибавилъ къ символу апостольскому слово „единосущный“ (consubstantialis), которое, выражая тождественность существа и естества лицъ Отца и Сына, обозначаетъ ясно Божество сего послѣдняго. Послѣ, когда появились Македоніаніе, отрицавшіе Божество Св. Духа, Отцы собора Константинопольскаго перваго, считали необходимымъ ввести еще болѣе отчетливое исповѣданіе этой истины, и потому присоеди- нили къ символу Никейскому слѣдующее объясненіе: „и въ Духа святаго, Господа животворящаго, иже отъ Отца исходящаго; иже со Отцемъ и Сыномъ спокланяема и славима“¹⁾.

Но такъ какъ Церковь не можетъ отрѣчься отъ своего существеннаго права и не можетъ отступиться отъ обязанности,

¹⁾ Et in Spiritum S. Dominum vivificantem, qui ex Patre procedit; qui cum Patre et Filio simul adoratur et conglorificatur.

возложенной на нее непосредственно ея божественнымъ Учредителемъ, поэтому, сообразно примѣру времени апостольскихъ и собора Никейскаго, таже Церковь и могла и можетъ еще въ настоящее время предлагать вбрующимъ, для гласнаго исповѣданія, символы, содержащіе точное опредѣленіе какихъ нибудь истинъ, коль скоро считается это необходимымъ или только полезнымъ для блага общественнаго. И потому, хотя сначала оное символъ не имѣлось выразительнаго исповѣданія, что Духъ Св. исходитъ отъ Сына, все таки въ шестомъ столѣтіи начали оное добавлять сперва въ Испаніи; этому примѣру въ осьмомъ столѣтіи стала подражать Франція и Германія. Правда, въ Римской Церкви при публичномъ чтеніи символа не провозглашали еще въ тѣ времена „*Filioque*“, а даже такъ какъ тамъ не чувствовалось въ этомъ нужды, то первосвященникъ Римскій, Левъ III, не хотѣлъ было согласиться на присоединеніе къ символу сказаннаго добавленія, когда этого допрашивался императоръ Карлъ Великій. Когда же вмѣстѣ съ распространеніемъ ереси Фотія, все большее и большее число Грековъ начало упорнѣе отрицать исхождение Св. Духа „и отъ Сына“; тогда и сама Церковь Римская въ первый разъ торжественно во всеуслышаніе превозгласила эту истину въ своей литургіи: вслѣдствіе чего Фотій съ горечью упрекалъ Римлянъ въ томъ, что они Св. Духа не отъ Отца только, но также и отъ Сына исходящимъ, совсѣмъ напрасно проповѣдуютъ¹⁾. Наконецъ въ XIII столѣтіи символъ иѣры, въ его теперешней формѣ, былъ принятъ въ цѣлой вселенской Церкви. Изъ сказаннаго становится вполне яснымъ, что не только не существуетъ, но и даже существовать не можетъ какое либо постановленіе Вселенскаго собора, которымъ предписывалось-бы буквальное обереганіе символа Никейскаго въ томъ смыслѣ, будто-бы законная власть не имѣетъ права объяснять точнѣйшимъ опредѣленіемъ истины, въ символѣ уже заключенныя²⁾, хотя бы даже превратность возникающихъ

¹⁾ Spiritum Sanctum non ex Patre solum, sed etiam ex Filio procedere vanissime praedicantes.

²⁾ Для того чтобы Церковь, по мѣрѣ надобности, была въ правѣ включить опредѣленно въ символъ какое нибудь догматическое положеніе, одно только считается необходимымъ, именно: истина, выраженная тѣмъ-же опредѣленіемъ, должна входить въ составъ божественнаго откровенія. Мы однакожъ присоединили слова „объяснить точнѣйшимъ опредѣленіемъ истины, въ символѣ уже заключеннаго“, слѣдуя замѣчанію св. Фомы Аквинатскаго (De Potent. q. 10. art. 4). „Исхождение Св. Духа отъ Сына находится исключительно въ символѣ Константинопольскомъ на столько, на сколько тотъ-же символъ утверждаетъ происхожденіе св. Духа отъ Отца; ибо все что разумѣемъ объ Отцѣ, тоже самое должны разумѣть и о Сынѣ, такъ какъ оба тѣмъ только различаются, что одинъ изъ нихъ Сынъ,

ересей къ тому принуждала. Такого рода постановленіе сопротивлялось бы божественному поставленію Церкви и отрицало бы власть, которою по мѣрѣ необходимости Церковь уже много разъ пользовалась. Вессаріонъ превосходно понялъ сущность разсматриваемаго нами вопроса, когда онъ во время Флорентійскаго собора взывалъ Грековъ, чтобы они прежде всего старались изслѣдовать, согласуется-ли или нѣтъ добавленіе „и отъ Сына“ съ божественнымъ откровеніемъ; „ибо, говорилъ онъ, коль скоро окажется ложность догматическаго положенія, исчезнетъ вопросъ о прибавленіи того-же къ символу“¹⁾. Убѣдившись однажды, что эти слова не содержатъ въ себѣ ничего ложнаго, вѣское дальнѣйшее изслѣдованіе, можно ли ихъ прибавить къ символу, становится смѣшнымъ и бесполезнымъ; ибо кто станетъ сомнѣваться въ томъ, что въ символъ можно включать догматическія истины? Вслѣдствіе такого объясненія Греки, упорствующіе при своемъ ложномъ методѣ, были поставлены въ столь безвыходное положеніе, „что, не находя удовлетворительнаго отвѣта, принуждены были замолчать. Какое же по истинѣ возраженіе можетъ найти даже безстыдный человѣкъ противъ столь очевидной истины?“²⁾

Эту истину, которую доказываетъ уже самая сущность дѣла и подтверждаетъ практика и обычай Церкви, удивительно разъясняютъ еще тѣ самыя постановленія, которыя Греки приводили въ свою пользу. Сначала они ссылались было лишь только на

другой Отецъ. Но ради возникнувшихъ заблужденій тѣхъ, которые отрицали исхожденіе Св. Духа отъ Сына, вполне соответственнымъ было помѣстить это въ символъ, не въ родѣ какого нибудь прибавленія, но въ качествѣ открытаго объясненія того, что уже включительно подразумевалось въ текстѣ. Подобнымъ же образомъ, еслибы возникла ересь, утверждающая, что Св. Духъ не сотворилъ неба и земли, слѣдовало-бы явно помѣстить это въ символъ, потому что въ немъ сказано это только про Отца (*Processio Spiritus Sancti a Filio implicate in symbolo constantinopolitano continetur, in quantum continetur ibi quod procedit a Patre; quia quod de Patre intelligitur, oportet et de Filio intelligi, cum in nullo differunt, nisi quia hic est Filius et ille Pater. Sed propter insurgentes errores eorum, qui Spiritum a Filio esse negabant, conveniens fuit, ut in symbolo poneretur, non quasi aliquid additum, sed explicite interpretatum, quod implicate continebatur. Sicut si insurgeret haeresis, quae negaret Spiritum S. esse factorem coeli et terrae, oporteret hoc explicite poni, cum in praedicto symbolo hoc non dicitur nisi de Patre.*)

1) Ostensa falsitate dogmatis, quaestio de illo non addendo non amplius habebit locum.

2) Ridiculum est, dicebat, existimare non licere veritatem symbolo addere.

3) Вессаріонъ. De processione Spiritus s. p. 185. 187. 207: Ut non habentes quod responderent obmutuerint; quid enim aliquis contra tantam veritatem impudens responderet?

постановленіе собора Ефесскаго: „Да не будетъ позволено никому иной вѣры произносить, списывать или составлять, кромѣ той, которую опредѣлили святые Отцы, собранные въ Никей въ соучастіи Св. Духа¹⁾. Но, чтобы точно уразумѣть смыслъ этого постановленія, необходимо привести на память случаи, вызвавшіе его изданіе. Каризій священникъ предложилъ собору два символа: одинъ, составленный Теодоромъ Мопсвестанскимъ, явно зараженный ересью Несторія; другой, составленный имъ самимъ, и Константинопольскимъ, однакожь показался благочестивымъ и правобѣрнымъ. Соборъ, услышавъ чтеніе перваго, Несторіанскаго символа, и нашедъ въ немъ „изложеніе безбожныхъ догматовъ въ формѣ символа“²⁾, опредѣлилъ, что слѣдуетъ: „Да не будетъ дозволено никому иной вѣры произносить“³⁾ Слѣдовательно соборъ не запрещаетъ какого либо обычнаго прибавленія, но запрещаетъ прибавлять что либо, противное вѣроисповѣданію собора Никейскаго; поэтому въ силу сего постановленія приказывается абсолютное береженіе не буквального, но внутренняго смысла въ принятомъ Церковью символѣ. И потому то тотъ-же самый соборъ не произнесъ никакого осужденія на символъ Каризія, хотя этотъ символъ представляетъ только смыслъ символа Никейскаго и Константинопольскаго, и вовсе не придерживается его буквальной формы; и такъ, напримѣръ, въ главѣ о Св. Духѣ говорится: „и въ Духа истины Параклита, со Отцомъ и Сыномъ единосущнаго“⁴⁾, которыхъ словъ мы не находимъ въ двухъ предшествующихъ символахъ.

Такъ какъ слѣдовало устранить опасность введенія въ символъ какой либо перемѣны, противной вѣрѣ, то необходимо было предписать, чтобы одна только законная власть была въ правѣ, по мѣрѣ надобности, видоизмѣнять символъ посредствомъ какихъ нибудь объясненій или просто добавленій. Имѣя это въ виду, Отцы Ефесскіе присовокупили къ вышесказанному постановленію: „Ктобы осмѣлился составлять или произносить иное вѣроисповѣданіе . . . тѣхъ, если они Епископы, повелѣваемъ устранить отъ епископскаго сана, если священники — отъ сана духовнаго;

1) Act. VI. Labb. tom. III. pag. 690 A.: Alteram fidem nemini liceat proferre, aut conscribere, aut componere, praeter definitam a sanctis Patribus, qui in Nicea cum Spiritu S. congregati fuerunt.

2) Impiorum dogmatum expositionem in symboli formam redactam.

3) Alteram fidem nemini liceat proferre etc.

4) In Spiritum veritatis Paracletum, Patri et Filio consubstantialem.

если-же они лица свѣтскія, предписываемъ подвергнуть таковыхъ отлученію“¹⁾.

Кто читаетъ сіи слова безъ предубѣжденія, можетъ легко замѣтить, что запрещеніе, какого бы то ни было, даже согласнаго съ вѣроу, прибавленія къ символу, относится къ отдѣльнымъ епископамъ; священникамъ и свѣтскимъ лицамъ, нисколько однакожь не касается верховной церковной власти; развѣ кому нибудь понравилось бы утверждать съ очевидною нелѣпностью, что Церковь можетъ остаться когда либо безъ епископовъ, и вся быть подчинена карамъ собора. Чтобы окончательно разсѣять всякое сомнѣніе, если оно еще возможно, обратимъ вниманіе на то, что Отцы Ефесскіе, издавая вышеупомянутое постановленіе, имѣли въ виду лишь только Никейскій символъ, какъ явствуетъ изъ приведенныхъ нами словъ канона: „кромѣ той (вѣры), которую опредѣлили Св. Отцы, собранные въ Никей въ соучастіи Св. Духа“²⁾; въ самомъ дѣлѣ, еслибы Отцы Ефесскіе намѣревались утверждать, что Никейскій символъ слѣдовало сохранить до такой степени ненарушимымъ, чтобы даже послѣдующіе соборы рѣшительно не имѣли права вводить въ него какое либо видоизмѣненіе, въ такомъ случаѣ слѣдовало-бы отвергнуть самый символъ Никео-константинопольскій и запретить публичное и торжественное употребленіе сего послѣдняго въ Церкви вселенской; однакожь у самихъ Грековъ случилось противное.

Не думаю, чтобы кто либо задумалъ ссылаться на слѣдующее изрѣченіе собора Халкедонскаго: „Письменнаго изложенія не составляемъ. Существуетъ правило, предписывающее, что должно довольствоваться даннымъ уже изложеніемъ. Правило гласитъ, дабы другого изложенія не дѣлали. Да будетъ удержано то, что отъ Отцовъ происходитъ“³⁾. Всякому читающему ясно, что здѣсь рѣчь идетъ не о символѣ, но объ изложеніи вѣры; впрочемъ, то что на первыхъ порахъ осуждено было неумѣстнымъ, послѣ въ VII^{мъ} засѣданіи обстоятельно сдѣлано. Наконецъ, какъ бы объясняя свои мѣры, говорятъ Отцы Халкедонскіе къ императору

¹⁾ Qui vero ausi fuerint aut componere fidem alteram, aut proferre . . . hos quidem, si sunt Episcopi aut clerici, alienos esse Episcopos ab Episcopatu, et clericos a clericatu decrevit; si vero laici fuerint, anathemati subjici.

²⁾ Praeter fidem definitam a sanctis Patribus, qui in Nicea cum s. Spiritu congregati fuerunt.

³⁾ Act. II, Labb. tom. II, p. 340. A.: In scriptis expositionem non facimus. Regula est, quae praedicat sufficere quae sunt exposita. Regula vult aliam expositionem non fieri. Ea quae sunt Patrum teneantur.

Маркиану: „Если бы всё оставались довольны постановлениями вѣры, да не нарушали бы благочестивыхъ изрѣченій никакими пововеденіями — подобало бы сънамъ Церкви не придумывать ничего болше кромѣ того, что съ полною достовѣрностью опредѣляютъ символъ. Но такъ какъ многіе, насилующими правду заблужденіями, отклоняются отъ прямого пути, намъ необходимо вести ихъ на путь спасенія, разыскивая и изслѣдуя истину, а такъ же опровергая ихъ заблужденія душеспасительными прибавленіями; мы такъ дѣйствуемъ не съ цѣлюю, чтобъ постоянно измышлять какую нибудь новость въ виду набожности, будто бы вѣрѣ чего нибудь не доставало, но потому только, чтобы ложнымъ нововведеніямъ противоположить душеспасительныя мѣры. Если же кто полагасть (мы совѣтовали бы Грекамъ серьезно раздумать это изрѣченіе), что на этой именно точкѣ, (т. е. на буквѣ символа) слѣдуетъ остановиться искреннимъ защитникамъ вѣры, пусть прежде всего стараются внушить таковое мнѣніе самимъ еретикамъ, дабы отвести ихъ отъ нападеній, но отнюдь не отводить пастырей отъ защищенія“¹⁾. Стало быть нѣчего удивляться, что Греки за одно съ Латинянами во время Лионскаго собора отгѣли при торжественной службѣ символъ съ присоединеніемъ слова *Filioque*; и что на соборѣ Флорентійскомъ Латиняне и Греки единозаконно и разумно было прибавлено къ символу, ради истолкованія истины, и вслѣдствіе принуждающей въ это время необходимости“²⁾. Можно бы еще многое присоединить къ этимъ вѣодамъ, но и доселѣ сказанное вполне достаточно убѣждаетъ, что нѣтъ и быть не можетъ канона Вселенскаго собора, предписывающаго ненарушимое сохраненіе символа Никео-константинопольскаго, не только касательно его смысла, но даже и буквы.

¹⁾ Allocut. ad Imper. Marcianum: Si omnes contenti essent fidei instituto, et pietatis sententiam nulla innovatione turbarent; deceret Ecclesiae filios nihil amplius excogitare, quam symbolo constat esse determinatum. Sed quia multi a recta linea per infractus erroris exorbitant, necesse nobis est veritatis eos inventione convertere; commenta quoque eorum devia, salutaribus adjectionibus reputare: non ut novum ad pietatem, quasi fides desit, semper aliquid exquirant, sed ut contra ea, quae ab illis innovata sunt excogitantes quae sobria judicantur . . . Si quis autem censet, hucusque consistere debere eos qui fidem pro facultate defendere cupiunt, maxime quidem hoc praeceptum haereticis promulgare debet, illos ab impugnatione removens, non avertens a protectione pastores.

²⁾ Labb. tom. XIII, pag. 515 A: Explicationem verborum illorum „Filioque“ veritatis declarandae gratia, et imminente tunc necessitate licite et rationabiliter symbolo fuisse appositam.

Этотъ нѣсколько пространный отвѣтъ на первый вопросъ знаменитаго русскаго ученаго, позволиеть намъ три его слѣдующіе вопросы соединить въ одно и отвѣтить на нихъ покороче. Второй вопросъ гласить:

„Слово *Filioque*, прибавленное къ первоначальному тексту Никео-константинопольскаго символа, содержитъ ли въ себѣ непременно ересь, и если да, то на какомъ Вселенскомъ соборѣ эта ересь подверглась осужденію?“

Третій вопросъ:

„Если сказанное прибавленіе (появившееся въ западныхъ церквяхъ съ VI-го вѣка, а около половины VII-го вѣка ставшее извѣстнымъ на Востокаѣ) заключаетъ въ себѣ ересь, то какимъ образомъ бывшіе послѣ сего два Вселенскіе соборы — шестой въ 680 г. и седьмой въ 787 г. — не осудили этой ереси и не отлучили принявшихъ ее, но пребывали съ ними въ церковномъ общеніи?“

Четвертый вопросъ:

„Если нельзя съ достовѣрностью утверждать, что прибавленіе *Filioque* есть ересь, то не позволительно ли всякому православному слѣдовать въ семь дѣлѣ мнѣнію Св. Максима Исповѣдника, который въ посланіи къ пресвитеру Марину оправдываетъ сказанное прибавленіе, толкуя его въ православномъ смыслѣ?“

Не трудно убѣдиться, что слово „и отъ Сына“, присоединенное къ первоначальному тексту символа Никео-константинопольскаго, никакимъ образомъ не можетъ содержать ереси; потому что Вселенскіе соборы „въ предметѣ вѣры и правотъ непогрѣшимы“, ереси никогда научать не могутъ. Мы конечно сошли-бы съ предначертаннаго пути и удалились-бы отъ нашей цѣли, еслибы взяли нарочно за непосредственную обработку такого рода вопросовъ; однакожь совершенно умѣстнымъ будетъ припомнить здѣсь, что сами Греки во „*Filioque*“ усматривали ересь тогда только, когда его принимали въ значеніи Латинскою Церковью постоянно отвергаемомъ. Греки думали, или быть можетъ притворялись только думающими, что утверждать исхождение Св. Духа отъ Отца и отъ Сына значило тоже самое, что отрицать исхождение Сына отъ Отца, или же допустить для Св. Духа два начала дышающія (*duo principia spirantia*).

Вслѣдствіе того второй Лионскій соборъ постановляетъ: „Съ одобреніемъ Св. собора, мы отвергасмъ, осуждаемъ и порицаемъ всѣхъ тѣхъ, которые . . . отважились бы строптиво утверждать, что Св. Духъ исходитъ отъ Отца и Сына, какъ отъ двухъ, а не

какъ отъ одного начала¹⁾. А Флорентійскій соборъ говоритъ: „Латиняне же утверждали, что они исповѣдуютъ исхожденіе Св. Духа отъ Отца и Сына не въ томъ смыслѣ, будто бы не признають Отца источникомъ и началомъ всего Божества, т. е. Сына и Св. Духа, или будто бы Сынъ не получаетъ отъ Отца того, что Св. Духъ отъ него исходитъ, и будто бы устанавливаютъ такимъ образомъ два начала исхожденія или два дыханія (spiraciones); но какъ всегда, такъ и нынѣ утверждаютъ существованіе одного только начала и одного дыханія для Св. Духа“²⁾. Слѣдовательно никогда не приходило въ голову Латинянамъ утверждать, что Сынъ, дыша (spirando) совместно съ Отцемъ Св. Духа, самъ отъ Отца исходитъ отъ Отца и отъ Сына, почему же сказалъ: отъ Отца исходитъ? ³⁾ Какова, думаешь, этому причина, если не та, что Сынъ обыкновенно приписываетъ и свое Тому отъ кого и Самъ? Оттуда и то, что говоритъ: мое ученіе не есть мое, но Того, кто послалъ меня . . . Отъ кого же Сынъ имѣетъ то, что Онъ Богъ (ибо Онъ Богъ отъ Бога), отъ Того вѣдь имѣетъ и то, что отъ Него исходитъ Св. Духъ: и такимъ образомъ и Св. Духъ отъ Отца имѣетъ то, что Онъ исходитъ отъ Сына наравнѣ какъ и отъ Отца“⁴⁾. Никогда тоже Латиняне не разумѣли, что Св. Духъ, исходя отъ Отца и Сына, тѣмъ самымъ будто-бы исходитъ отъ двухъ началъ; но напротивъ постоянно исповѣдывали, что существуетъ одно только начало дышающее (*principium spirans*).

Св. Тома Аквинатскій, вступая въ слѣды Св. Отцовъ, и изслѣдуя внутренней смыслъ этой возвышенной истины пишетъ: „хотя слово: 'начало' означаетъ не какую нибудь вещь, но свой-

1) Sacro approbante Concilio, damnamus et reprobamus omnes, qui . . . praesumpserint temerario ausu asserere quod Spiritus s. ex Patre et Filio tamquam ex duobus principiis et non tamquam ex uno procedit.

2) Latini vero affirmarunt, non se hac mente dicere, Spiritum s. ex Patre Filioque procedere, ut excludant Patrem, quin sit fons et principium totius Deitatis, Filii scilicet ac Spiritus s.: aut quod id quod Spiritus s. procedit ex Filio, Filii a Patre non habeat, sive quod duo ponant esse principia, seu duas spirationes: sed unum tantum asserunt esse principium unicamque spirationem Spiritus s. prout hactenus asseruerunt. Labb. tom. XIII, p. 514. 13.

3) Отъ Иоан. XV. 26.

4) Tract. 99 in Joan. n. 8: Si ergo (S. Augustinus scribit) et de Patre et Filio procedit Spiritus s.; cur Filius dixit, de Patre procedit? cur putas nisi quemadmodum ad eum solet referre et quod ipsius est, de quo et ipse est? unde est illud, quod ait, mea doctrina non est mea, sed ejus, qui me misit . . . A quo autem habet Filius ut sit Deus (est enim de Deo Deus) ab illo habet utique ut etiam de illo procedat Spiritus s.: ac per hoc Spiritus s., ut etiam de Filio procedat sicut procedit de Patre, ab ipso habet Patre.

ство, однакоже означаетъ свойство по образу существительнаго, точно такъ-же какъ имена ‚Отець‘ и ‚Сынъ‘ даже въ области тварей обозначаютъ существительное; поэтому именамъ сего ряда, какъ другимъ существительнымъ, прилагаются числительныя сообразно грамматической формѣ, въ которой они стоятъ. Слѣдовательно, какъ Отець и Сынъ суть одинъ Богъ по поводу формы единственнаго числа слова ‚Богъ‘ — такъ суть и однимъ началомъ Св. Духа по поводу единства свойства [то есть дыхающей силы — *vis spirativa*], обозначеннаго этимъ именемъ началомъ¹⁾.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что, отстранявши должныя толкованія, никогда не существовавши въ богословскихъ понятіяхъ Латинянь, прибавленіе „и отъ Сына“ оказывается вполне равнозначущимъ съ выраженіемъ „черезъ Сына“, которое очень часто было въ употребленіи и у самихъ Грековъ: „Даже сами Греки, говорить Св. Тома Акв., разумѣютъ, что исхожденіе Св. Духа относится также къ Сыну; ибо признаютъ, что Св. Духъ есть Духъ Сына и что исходитъ отъ Отца чрезъ Сына“²⁾. Скажу больше, у Грековъ находится такое же точно изрѣченіе, которое торжественно охраняется у Латинянь; и такъ въ письмѣ Св. Кирилла и собора Александрійскаго къ Несторію, одобренномъ соборами: Ефесскимъ³⁾, Халкедонскимъ⁴⁾ Константинопольскими II^{мъ}, III^{мъ} и VI^{мъ}, говорится явно, что Духъ Св., исходитъ отъ Сына и отъ Бога Отца“⁵⁾.

Послѣ того совѣтъ бесполезно было бы разыскивать о какомъ то Вселенскомъ соборѣ, который будто-бы предаль осужденію ересь, содержащуюся въ словахъ „и отъ Сына“; напротивъ это выраженіе содержитъ истину божественнаго откровенія, въ которую Церковь постоянно вѣрила. Не будь это, соборъ Константинопольскій III^{мъ} и Никейскій II^{мъ} подвергнули бы непременно анаѣмѣ тѣхъ, которые пріяли упомянутое дополненіе „и отъ Сына“: по они не отлучены, ибо только явно (*explicite*)

1) Licet hoc nomen „principium“ significet proprietatem, tamen significat eam per modum substantivi, sicut hoc nomen Pater et Filius etiam in rebus creatis. Unde numerum accipit a forma significata, sicut et alia substantiva. Sicut igitur Pater et Filius sunt unus Deus propter unitatem formae significatae per hoc nomen Deus: ita sunt unum principium Spiritus s. propter unitatem proprietatis significatae in hoc nomine „principium“. I. p., q. 33, a. 4.

2) Etiam ipsi Graeci processionem Spiritus sancti aliquem ordinem habere ad Filium intelligunt. Concedunt enim Spiritum sanctum esse Spiritum Filii et esse a Patre per Filium. D. Th., I. p., q. 36, a. 2.

3) Act. I.

4) Act. V.

5) Labb. tom. III, p. 405. D.

доступаютъ отъ Всевышняго освобожденія. Наибольшеже тому способствуетъ безкровная жертва¹⁾.

Никто, кажется, не станетъ требовать отъ меня въ тѣхъ обстоятельствахъ, чтобы я принялся за подробное, точное доказательство полномочнаго первенства Римскаго первосвященника надъ вселенскою Церковью, хотя въ этомъ именно заключается главная точка разногласія между Латинскою или Западною и Восточною или Греческою Церквями. Я считаю вполне достаточнымъ указать здѣсь только на то, что Церковь всегда признавала упомянутое первенство, что признавали его сами-же Греки съ первыхъ временъ христіанства до самого раздѣла. Даже Фотій, недостойнымъ насиліемъ завладѣвшій Константинопольскимъ престоломъ, принадлежавшимъ законному патриарху Игнатію, сознавалъ, что онъ не въ силахъ удержаться на захваченной кафедрѣ безъ авторитета Николая I^{го}, Римскаго первосвященника, и поэтому посылалъ къ нему легатовъ съ ложными донесеніями о случившемся, чтобы такимъ образомъ получить подтвержденіе въ патриаршемъ достоинствѣ. Николай I^{го} папа, предчувствуя однакожь разставленныя ему сѣти, послалъ въ Константинополь собственныхъ легатовъ: Родоальда и Заккарія съ порученіемъ: „дабы они тщательно изслѣдовали дѣло патриарха Игнатія и донесли обо всемъ достоверно и подробно Апостольскому престолу“. Игнатій, и вмѣстѣ съ нимъ десять митрополитовъ и пятнадцать епископовъ въ свою очередь апеллировали къ Римскому первосвященнику, требуя отъ него удовлетворенія за дознанную несправедливость. Императоръ Василій, наслѣдовавшій Михаилу, также обратился къ папѣ Адріану II^{му}, преемнику Николая I^{го}, съ цѣлью возстановить Игнатія на Константинопольскомъ престолѣ, прося созвать поэтому поводу Вселенскій соборъ. Адріанъ отвѣтилъ императору слѣдующее: „Желаемъ дабы промысломъ Вашего Благочестія состоялся съ подобающею торжественностью многочисленный соборъ подъ предсѣдательствомъ также нашихъ легатовъ, которые, уразумѣвъ разности лицъ и преступленій, немедленно отняли-бы всѣ экземпляры безбожнаго сборища (*conciliabuli*) отъ удерживающихъ таковые, и предали-бы ихъ

¹⁾ 1672 года. Кап. 18: Quos vero lethaliū peccatorum desperatio non intercept, sed ante mortem poenituit at nullum fecerunt fructum poenitentiae semetipsos afflictando... suamque tum in Deum, tum in proximum caritatem operibus demonstrando, quae et catholica Ecclesia recte ab initio satisfactionem appellavit, horum animas credimus ad inferos deduci ibique justas pro iis peccatis poenas sustinere, ac suae tamen futurae liberationis esse conscias et summa bonitate per sacerdotum orationes suorumque parentum elemosynas liberari. Ad hoc vero potissime valet incruentum missae sacrificium.

сожженію¹⁾. Едва папскіе легаты пріѣхали въ Константинополь, императоръ, обращаясь къ нимъ, сказалъ: „Мы со всѣми восточными патріархами, митрополитами и епископами, дожидаясь въ теченіи двухъ лѣтъ сужденія св. Матери нашей, Римской Церкви, ради Бога просимъ, чтобы дѣло божье было совершено въ пользу христіанства, чтобы власть вашего соборія разсѣяла наконецъ заразительныя соблазны Фотійскихъ хитростей, чтобы, сообразно постановленію святѣйшаго первосвященника Николая, спокойствіе и единство, которыхъ мы такъ долго выжидаемъ, наконецъ у насъ водворились“²⁾. Послѣ окончательнаго погашенія Фотійскаго раскола, Восточная церковь возвратилась къ древнему законному повиновенію Римскому первосвященнику, и пребыла вѣрною до XI. столѣтія, въ которомъ преступная гордость Михаила Керуларія опять возобновила разъединеніе. Левъ IX., засѣдавшій въ то время на Римскомъ престолѣ, и глубоко сознававшій свою законную власть, послалъ немедленно легатовъ къ императору Константину Мономаху съ цѣлью образумить Керуларія; когда же сей, намѣреваясь подвергнуть своей власти патріарховъ Александрійскаго и Антиохійскаго, пытался присвоить себѣ званіе Вселенскаго патріарха, то Левъ написалъ посланіе къ Петру, епископу Антиохійскому, увѣщывая его твердо и непоколебимо защищать права своего престола: „само собою разумѣется, прибавляетъ папа, что верховная Мать, первопрестольная Римская Церковь, если будетъ надобно, никогда и въ никакихъ обстоятельствахъ не замедлитъ поспѣшить съ помощью столь любимой Дочери своей и подругъ“³⁾. Слишкомъ долго пришлось бы мнѣ разсуждать, еслибы я сталъ болѣе распространяться надъ изложеніемъ подобнаго рода фактовъ. Поэтому кончу припоминая, что въ позднѣйшее время, на соборѣ Флорентійскомъ, Латиняне и Греки произнесли единогласно торжественное исповѣданіе верховнаго

¹⁾ Volumus per Vestrae pietatis industriam Constantinopoli numerosum celebrari Concilium, cui nostri quoque legati praesidentes, delictorum, hominumque discrimine perspecto, statim cuncta impii conciliabuli exemplaria ab iis, qui illa retinent, ablata ignibus cremanda tradant.

²⁾ Nos cum omnibus Orientalibus Patriarchis, Metropolitibus atque Episcopis censuram sanctae Matris nostrae Romanae Ecclesiae per biennium praestolantes, propter Deum petimus, ut Dei negotium utiliter peragatur, et tandem aliquando auctoritate vestri sacri Collegii tam pestifera Photianae tergiversationis scandala propellantur, quatenus unitas et tranquillitas, optatae diutius juxta decretum sanctissimi Pontificis restaurentur.

³⁾ Ad quod utique, addit Pontifex, si oportuerit, maxima Mater, Romana scilicet atque prima sedes tam dilectae sibi Filiae et consociae nusquam et nunquam deerit.

первосвященства, которое силою божественнаго права возложено на Римскаго епископа. Будемъ дожидаться, говорю еще разъ, чтобы указали намъ какую нибудь статью въ вѣрученіи Римской Церкви заподозрѣнную въ ереси, тогда мы не замедлимъ доставить удовлетворительный отвѣтъ.

До сихъ поръ достопохвальный авторъ новыхъ вопросовъ занималъ насъ изслѣдованіемъ отдѣленія Восточной церкви отъ Западной съ точки зрѣнія ереси. Теперь онъ переходитъ къ разсмотрѣнію того-же отдѣленія по отношенію къ расколу, дабы въ окончательномъ выводѣ дойти до практическаго заключенія о необходимости соединенія. Привожу вмѣстѣ четыре послѣдніе вопросы, чтобы сократить по возможности мои отвѣты:

„Въ случаѣ, если должно признать, что Римская Церковь виновна не въ ереси, а въ расколѣ, — расколъ же по точнѣйшимъ опредѣленіямъ Св. Отцовъ бываетъ тогда, когда часть церкви (духовные и міряне) ради какихъ-нибудь вопросовъ обряда или дисциплины отдѣляются отъ своего законнаго церковнаго начальства, — то спрашивается, отъ какого своего церковнаго начальства отдѣлилась Римская Церковь?

„Если Римская Церковь не виновна въ ереси, а въ расколѣ виновна быть не можетъ, не имѣя надъ собою никакого церковнаго начальства, отъ котораго она могла отдѣлиться, то не должно ли признать; что эта Церковь пребываетъ нераздѣльною частью единой Вселенской Церкви Христовой, а такъ-называемое раздѣленіе церковей, не имѣя никакихъ истинно-религіозныхъ причинъ, есть лишь дѣло человѣческой политики?

„Если нащъ разрывъ съ Римскою Церковью не основанъ ни на чемъ подлинно-божественномъ, то не должны ли всѣ православные христіане, думающіе болѣе о томъ, что Божіе, нежели о томъ, что человѣческое, дѣлательно стараться о возстановленіи церковнаго единства между Востокомъ и Западомъ для блага всей Церкви?

„Если возстановленіе церковнаго общенія между восточными и западными православными есть наша обязанность, то должны ли мы отлагать исполненіе этой обязанности подъ предлогомъ чужихъ грѣховъ и недостатковъ?“

Предшествующія наши соображенія касательно первенства Римскаго престола, даютъ возможность отвѣтить на послѣдніе вопросы. Ученый авторъ справедливо замѣчаетъ, что не можетъ быть раскола тамъ, гдѣ нѣтъ отступленія отъ законной власти. Поэтому, дабы можно было обвинить Римскую Церковь въ расколѣ, необходимо указать законную власть, отъ которой она отдѣлилась.

Но верховная власть Церкви, по божественному постановлению, принадлежит Св. Петру и его преемникамъ, то есть Римскимъ святителямъ, какъ это признавали отлучившіеся даже теперь Греки. И такъ, расколъ не можетъ быть по сторонѣ Церкви Римской, но по сторонѣ той части церкви, которая возмущилась противъ своей законной власти. Отступившіе отъ единства суть члены, отдѣленные отъ головы, утратившіе жизненную силу; суть вѣтви, оторванныя отъ ствола и отъ корней, вянуція, безплодны; суть камни, отодвинувшіеся отъ фундамента, не принадлежащіе уже къ зданію; суть граждане, упорно бунтующіеся противъ власти, враги мира, изгнанные изъ царства; суть овцы, не внимающія голосу пастыря, блуждающія за предѣлами овчарни. Римская Церковь, мать и наставница всѣхъ церквей, несмотря на отлученіе нѣкоторыхъ, оставалась въ общеніи съ вѣрными ей церквями, продолжаетъ пребывать постоянно истинною Церковью Иисуса Христа и продолжаетъ жить жизнью Иисуса Христа; Римскій первосвященникъ, котораго Иисусъ Христосъ поставилъ фундаментомъ своей Церкви вмѣстѣ съ частными церквями, которыя онъ объединяетъ, все таки продолжаетъ составлять величественное церковное зданіе, воздвигнутое и укрѣпленное на землѣ божественнымъ Искупителемъ; Верховный первосвященникъ, которому поручено пасти агнцы и овцы¹⁾ вмѣстѣ съ вѣрующими и пастырями, послушными его голосу, продолжаетъ быть постоянно истинной овчарней Иисуса Христа. Странно потому по истинѣ слышать нѣкоторыхъ, согласныхъ въ томъ, что Римскій первосвященникъ есть первенствующій въ латинской церкви, но отрицающихъ ему первенства въ Церкви вселенской. Но вѣдь Римскій первосвященникъ въ самомъ дѣлѣ на столько обладаетъ первенствомъ, насколько онъ преемникъ Св. Петра, святому-же Петру Иисусъ Христосъ обѣщаль первенство тогда, когда его учредилъ фундаментомъ Церкви. Вслѣдствіе этого Оригенъ называлъ Петра „сей великій фундаментъ Церкви и наибольшей твердости камень, на которомъ Христосъ основалъ Церковь“²⁾, а величайшее свѣтило восточной Церкви, Св. Іоаннъ Златоустъ восклицаетъ: „Петръ — фундаментъ Церкви, корифей оного собранія, уста Апостоловъ, глава оной семьи, цѣлаго земнаго шара начальникъ, фундаментъ Церкви, пламенно любящій Христа, первый Апостоль, князь

¹⁾ Отъ Іоан. XXI. 15.

²⁾ Magnum illud Ecclesiae fundamentum et petram solidissimam, super quam Christus fundavit Ecclesiam. In Exod. tom. V., p. 145; Migne, tom. II, p. 329.

учениковъ, среди всѣхъ первенствующій¹⁾. Кътоже повѣрить, что сіи слова: „на семь камнѣхъ созижду Церковь мою“²⁾ относятся къ самой лишь Церкви латинской? Не уже-ли Иисусъ Христосъ основалъ двѣ Церкви, а не одну — единственную, которую и называлъ своею Церковью „созижду мою Церковь“? Тѣ, которые приписываютъ Римскому первосвященнику первенство въ самой только латинской Церкви, не соображаютъ пагубныхъ послѣдствій того, что утверждаютъ. Если бы слова, сказанныя Петру Иисусомъ Христомъ, относились къ одной лишь латинской Церкви, Греки, по ихъ же собственному признанію, должны были-бы сказать, что сама только латинская Церковь есть истинною Церковью Иисуса Христа; потому, что Спаситель назвалъ своею (Церковь мою) ту единственную Церковь, которой фундаментомъ поставилъ Св. Петра Апостола. Къ этой Церкви исключительно относится обѣщаніе, выраженное словами непосредственно слѣдующими: „а врата адава не одолѣютъ ея“³⁾. Такимъ образомъ сами противники помогли бы намъ поставить новое доказательство той истины, что всякая церковь, отдѣленная отъ Церкви Римской, обязана присоединиться къ сей послѣдней, если хочетъ войти въ составъ едино-истинной Церкви, учрежденной Иисусомъ Христомъ.

И такъ, когда исключено всякое опасеніе ереси и раскола въ недрахъ Римской Церкви, по отношенію къ настоящему спорному предмету, обнаруживается явная необходимость пребывать въ общеніи съ Римскою Церковью, кто хочетъ принадлежать къ истинной Церкви. Поэтому всѣ, отдѣлившіеся отъ Римской Церкви, должны себѣ припомнить увѣщаніе Апостола: „Тщасяся блюсти единеніе духа въ союзѣ мира. Едино тѣло и единъ духъ, якоже и званіи бысте во единомъ упованіи званія нашего“⁴⁾. Умѣстно будетъ также привести способствующее нашимъ выводамъ мнѣніе учителя Церкви Св. Ириней: „Осудитъ и тѣхъ, которые дѣлаютъ расколы, людей тщеславныхъ, не любящихъ Бога, обращающихся больше вниманія на собственную пользу, нежели на единство Церкви“⁴⁾.

1) Petrus basis Ecclesiae, fundamentum fidei, chori illius corypheus, et Apostolorum omnium, caput illius familiae, orbis totius praefectus, fundamentum Ecclesiae, ardens Christi amator, primus apostolorum, princeps coetus discipulorum, omniumque corypheus. Vide: Dom. hom., 4. n. 3.

2) Матв. XVI. 18.

3) Solliciti servare unitatem spiritus in vinculo pacis. Unum corpus, et unus Spiritus, sicut vocati estis in una spe vocationis vestrae. Къ Ефес. IV, 3.

4) L. IV. c. 33, n. 7: Indicabit autem et eos, qui schismata operantur, ipsi sunt inanes non habentes Dei dilectionem, suamque utilitatem potius considerantes, quam unitatem Ecclesiae.

Напрасно пытался бы кто возразить намъ, что грѣхи и злоупотребленія Римской Церкви могутъ быть достаточною причиною отсрочки желаннаго соединенія. Не будемъ входить въ изслѣдованіе этихъ мнимыхъ или можетъ быть правдивыхъ злоупотребленій; сдѣлаемъ только два замѣчанія: во первыхъ подобная отговорка содержала бы въ источникѣ своемъ явную ересь, то есть, что Церковь, воюющая на землѣ, состоитъ исключительно изъ праведныхъ и совершенныхъ; во вторыхъ, что въ церквяхъ отлучившихся, или вовсе нѣтъ грѣховъ и злоупотребленій, или по крайнѣй мѣрѣ таковыхъ считается меньше, нежели въ Римской Церкви; иначе пришлось-бы припомнить слова Св. Ириней, слѣдующія послѣ выше приведенныхъ: „По истинѣ процѣживающіе комара и проглатывающіе верблюда“¹⁾. Не лучше ли держаться изрѣченія Св. Августина: „Да никто преждевременно не удаляется отъ ковчега, терпите до времени плевелы въ молотѣбѣ; пусть терпятъ она и въ ковчегѣ...; кто же отлучается отъ единства, нарушаетъ любовь“²⁾. Эти слова согласны съ общимъ ученіемъ Отцовъ, которые единогласно проповѣдуютъ расколъ столь великимъ зломъ, что ни заводить, ни поддерживать его не слѣдуетъ, даже ради избѣжанія всякаго иного зла: „нѣтъ никакой настоящей необходимости разрывать единство“³⁾; и это потому, какъ думаетъ Св. Августинъ, что, „кто отлучается отъ единства, нарушаетъ любовь, всякій же нарушающій любовь, какъ не велики его иные качества, всегда будетъ ничтоженъ“⁴⁾. А Св. Иоаннъ Златоустъ, сравнивая расколъ съ ересью, говоритъ: „разрывать Церковь не меньшее зло какъ попасть въ ересь“⁵⁾. Св. Ириней видитъ даже въ расколѣ ужасное покушеніе разрушить мистическое Тѣло Христово: „Великое и славное Тѣло Христа разсѣкаютъ и раздѣляютъ да, на сколько отъ нихъ зависитъ, умерщвляютъ“⁶⁾, отсюда-же не колеблясь твердитъ, что „они (раскольники) никакимъ образомъ не въ силахъ доставить взаимнѣ столь великое

1) Vere liquantes culicem et camelum translutientes.

2) Nemo ante tempus deserat arcam, toleret paleam in tritura; toleret in arca... qui autem deseruerit unitatem, violat charitatem.

3) Praecidendae unitatis nulla est justa necessitas.

4) Qui deseruerit unitatem, violat charitatem, et quisquis violat charitatem, quodlibet magnum habeat, ipse nihil est.

5) Ном. II, на посл. къ Ефес.: Ecclesiam scindere non minus est malum quam incidere in haeresim.

6) Magnum et gloriosum corpus Christi conscindunt et dividunt, et quantum in ipsis est interficiunt.

удовлетвореніе, сколь велика пагубность раскола¹⁾. По этой то причинѣ Св. Августинъ, опровергая отговорки нѣкоторыхъ современныхъ ему раскольниковъ, отдѣлившихся отъ истинной Церкви ради измышленныхъ, а отчасти и дѣйствительныхъ вкравшихся въ нее злоупотребленій, очень справедливо писалъ къ нимъ: „Когда Св. Писаніе гласитъ, что мы должны отступать отъ неправедныхъ, повелѣваетъ разумѣть не что иное какъ только, чтобы мы отлучались отъ нихъ сердцемъ; ипаче можемъ болше зло сотворить отступая отъ добрыхъ, чѣмъ то, котораго мы избѣгаемъ отлучаясь отъ злыхъ... правда пророкъ явно говоритъ: отступите и изыдите отсюда и нечистотѣ не прикасайтесь“²⁾. Дабы однако уразумѣть смыслъ этихъ словъ, буду примѣчать, что онъ сдѣлалъ. Онъ своимъ дѣломъ объяснилъ мнѣ свое изрѣченіе. Сказалъ: отступите. Кому сказалъ? Разумѣется праведнымъ. Отъ кого повелѣлъ отступить? Разумѣется отъ грѣшниковъ и неправедныхъ. Разыскиваю дальше: отступилъ-ли онъ отъ таковыхъ самъ? Нахожу, что не отступилъ. Слѣдовательно иначе разумѣлъ“³⁾.

Пусть теперь отдѣленные отъ насъ братья, увидѣвъ тщетность всякихъ отговорокъ, и сложивъ съ себя устарѣлыя предубѣжденія, съ благороднымъ рвеніемъ устремятся къ общему Отцу истин. о вѣрующихъ, пусть кинутся въ Его распростертыя объятія! Да будутъ вполне убѣждены, что сей Отецъ съ тою же любовью прижметъ ихъ къ груди своей, съ которою обнимаетъ вѣрныхъ и послушныхъ сыновъ; ибо для него „исть разствіа Іудеви же и Елину“, онъ хорошо помнить, что „той бо Богъ всѣхъ, богатый во всѣхъ призывающихъ Его“⁴⁾.

Подобно тому какъ Ангелы въ небесномъ царствѣ торжествуютъ ради возврата сына, бѣжавшаго изъ отцовскаго дома, точно такая же радость овладѣетъ до глубины отцовскимъ сердцемъ Намѣстника Иисуса Христа на землѣ, если онъ, вознося очи къ

¹⁾ Nulla ab eis (schismaticis) tanta potest fieri correctio, quanta est schismatis perniciēs. (Книга вышесприведенная).

²⁾ Ис. LII. 11.

³⁾ Quando scriptura sonat, recedere nos debere a malis, non aliud intelligere jubemur, nisi ut corde recedamus, ne majus malum in separatione bonorum committamus, quam in malorum conjunctione fugiamus... certe manifeste dixit propheta: recedite et exite inde et immundum ne tetigeritis. Ego ut intelligam quod dixit, attendo quod fecit. Facto suo mihi exposuit dictum suum. Dixit: recedite. Quibus dixit? Utique justis. A quibus, ut recederent, dixit? Utique a peccatoribus et iniquis. Quaero a talibus, utrum ipse recesserit? Invenio, quod non recesserit. Ergo aliter intellexit. Serm. 88, n. 26.

⁴⁾ Къ Римл. X. 12.

Всевышнему Пастырю душъ, подобно евангельскому Отцу, отверзетъ свои объятія и съ любовью прижметъ къ груди заблудниихъ сыновъ, возвращающихся подъ кровъ семейный. Въ радостномъ упоеніи будетъ повторять: „братъ твой съи мертвъ бѣ, и оживе: и изгible бѣ и обрѣтется“¹⁾. Сей радостный кликъ, переходя отъ устъ къ устамаъ, распространится по всему міру; соединенные духомъ въ одной вѣрѣ, соединенные сердцемъ черезъ повиновеніе одному единственному Пастырю мы выростемъ, числомъ и силами, отразимъ нападеніе вѣшнихъ враговъ, и всѣ разомъ безопасно будемъ стремиться къ небесному царству, которое обѣщано достойно живущимъ и умирающимъ въ едино-истинномъ земномъ царствѣ Иисуса Христа.

¹⁾ Отъ Луки XV. 32.